

УДК 316

DOI 10.19181/2227-8656.2020.1.2

ОБЩЕСТВА ТРАВМЫ И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА¹

Тощенко Жан Терентьевич

Член-корреспондент РАН, научный
руководитель и завкафедрой теории
и истории социологии,
Российский государственный
гуманитарный университет;
главный научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН;
председатель редакционного совета
журнала «Социологические исследования»,
г. Москва, Россия,
e-mail: zhantosch@mail.ru

TRAUMA SOCIETIES AND THEIR CHARACTERISTICS

Zhan T. Toshchenko

Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences, Academic Supervisor
and Head of the Department of Theory
and History of Sociology,
Russian State University for the Humanities;
Chief Researcher
at the Institute of Sociology of RAS;
Chairman of the Editorial Board
of the Journal “Sociological Studies”,
Moscow, Russia,
e-mail: zhantosch@mail.ru

Развитие цивилизации на современном этапе столкнулось с феноменом, еще слабо изученным и малоизвестным, который мы называем обществом травмы. Дело в том, что в мире происходят значительные, значимые и знаковые события, которые невозможно определять и квалифицировать в прежних понятиях – «эволюция» и «революция», описывающих и отражающих происходящие изменения. В настоящее время существует 53 государства, которые, по данным Всемирного банка, в течение длительного периода находились или находятся в состоянии хаотичного, несбалансированного и турбулентного развития. К обществам травмы относятся страны, ко-

The development of civilization at the present stage faced with a phenomenon that is still poorly studied and little known, which we call trauma society. The fact is that meaningful, prominent and significant events are taking place in the world, which cannot be defined and qualified in the previous terms – evolution and revolution, which describe and reflect the current changes. At present, there are 53 States that, according to the world Bank, have been or are in a state of chaotic, unbalanced and turbulent development for a long period of time. Countries that are stagnating in their development for a long time or are in a state of recession and are losing previously achieved milestones are considered to be

¹ Глава из монографии: *Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)*. М.: Весь мир, 2020.

торые длительное время стагнируют в своем развитии или находятся в состоянии рецессии, теряют ранее достигнутые рубежи. Особое внимание уделяется России, которую, по мнению автора, можно отнести к травмированным обществам, так как в своем развитии, отринув социалистическое прошлое, она не достигла тех рубежей, с которых начинала свой путь. В то же время осуществляемые уже более четверти века преобразования образуют мозаику, в которой трудно/невозможно различить как эволюционные, так и революционные тенденции. В этой связи дается анализ тех препятствий, которые не преодолены для осуществления подлинно демократического, эффективно функционирующего общества. Анализ состояния обществ травмы, осуществленный в научном и экспертном сообществе при опоре на практику успешно развивающихся стран, позволяет определить пути выхода из состояния травмированного общества.

Ключевые слова: цивилизация; революция; эволюция; травма; общество; развитие; функционирование; социальные последствия.

trauma societies. Special attention is paid to Russia, which, according to the author, can be attributed to traumatized societies, since in its development, having rejected the socialist past, it did not reach the boundaries from which it began its journey. At the same time, the transformations that have been taking place for more than a quarter of a century form a mosaic in which it is difficult/impossible to distinguish between evolutionary and revolutionary trends. In this regard, an analysis of the obstacles that have not been overcome for the implementation of a truly democratic, effectively functioning society is given. The analysis of the state of trauma societies carried out in the scientific and expert community, based on the practice of successfully developing countries, allows us to determine ways out of the state of traumatized society.

Keywords: civilization; revolution; evolution; trauma; society; development; functioning; social consequences.

Опыт классификации обществ травмы

При анализе состояния более чем 200 существующих в мире государств очевидно, что они находятся на разных уровнях развития. При их характеристике наиболее часто употребляются такие определения, как «развитые», «развивающиеся», «догоняющие», «отстающие». Такой подход – осознанно или латентно – признает, что он строится на понятии прогресса, т. е. той идеи, которой руководствуются большинство исследователей Нового времени. Но реальная история человечества показала, что они развиваются не только линейно. В них постоянно проявляются различного рода отклонения, деформации и даже откат к ранее пройденным этапам. В этой связи хотелось бы обратить внимание на тот факт, что из логики поступательного и сбалансированного развития, не совпадающей ни с эволюционной, ни с революционной модальностью, выпадает значительное количество стран, которые относятся к нестабильным государствам, в которых проживает практически треть населения земного шара. По подсчетам Всемирного

банка, для 53 государств мира характерны стагнация или рецессия экономики, неустойчивость государственных институтов, непрерывное возникновение и/или продолжение вооруженных конфликтов, акты этноконфессионального насилия и, как результат, крайняя бедность и вопиющее социальное неравенство¹. По прогнозам экспертов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), даже к 2030 г. более 60 % бедных людей планеты будут проживать именно в этих проблемных странах (Соломатин, 2018. С. 114–115, 127–128). Значит, для этих стран мира уготован путь длительного турбулентного, неустойчивого, нестабильного развития, что позволяет утверждать, что именно такая форма существования и функционирования многих государств и обществ заслуживает того, чтобы их отнести к третьей модальности – травматическому развитию, к обществам травмы.

Нужно отметить, что в ситуацию травмы попадают и страны, которые в целом характеризуются успешным развитием. Так, США более чем десятилетие – с конца 1960-х до начала 1980-х гг. – находились в стагнации и рецессии вместе с тяжёлым процессом стагфляции. Эти негативные тренды не смогли преодолеть президенты Г. Форд и Дж. Картер, которые не были из-за этого переизбраны на второй срок, что нечасто наблюдалось в США. Из этого затянувшегося состояния ее вывела новая экономическая политика США – «рейганомика». Были значительно снижены налоги и увеличены стимулы инвестирования в экономику, вдвое снижены нормы амортизации и дана возможность ускоренного износа фондов, что привело к массовому технологическому обновлению народного хозяйства и развитию высокотехнологичных и инновационных отраслей. Это дало импульс мощному 25-летнему социально-экономическому развитию США вплоть до кризиса 2008–2009 гг., преодолев наметившееся инновационное отставание от Японии и серьёзно укрепив статус ведущей державы мира с самым высоким уровнем экономического и социального развития (Аганбегян, 2016).

Этим примером мы хотим сказать, что в ситуацию нестабильного развития могут попадать все без исключения страны, в том числе и те, у которых мощная экономика, высокоразвитая промышленность, ус-

---

¹ Данный перечень имеет условный характер, так как он создан на основе изучения динамики изменения объемов и структуры распределения потоков помощи нестабильным государствам со стороны Всемирного банка. В него не попали государства, по тем или иным причинам не включенные в данный список, так как находятся вне опеки/помощи этого банка, но тем не менее характеризующиеся неустойчивостью и нестабильностью развития, как это, на наш взгляд, присуще бывшим советским Прибалтийским республикам. Все это позволяет сделать вывод, что число нестабильных государств больше, чем в указанном списке.

пешно функционирующее сельское хозяйство и другие отрасли национальной экономики.

Однако в дальнейшем мы проанализируем только те страны, которые в настоящее время находятся в нестабильном состоянии, характеризуются долговременной стагнацией и рецессией.

Если осуществить попытку классификации этих государств и обществ, то можно выделить, на наш взгляд, следующие виды.

Во-первых, некоторые общества травмы возникли вследствие нарушения логики объективного и последовательного развития в результате бездарного управления страной, не решившего объективные потребности общества и приведшего к внутренним катаклизмам (Центрально-Африканская Республика, Чад, Зимбабве, Украина, Грузия, Молдова). Механизмами реализации этого пути в большинстве случаев стали потрясения, осуществлявшиеся под лозунгами неотложности кардинальных изменений, при декларировании необходимости содержательных сдвигов в экономике и социальной сфере, при обещании добиться достойной жизни людей и их благополучия. Эти лозунги сдобривались посулами поднять на более высокий уровень соблюдение прав и свобод человека. Однако после прихода к власти возникло и постоянно усиливалось огромное несоответствие между официально провозглашенными целями и практикой их осуществления.

В результате росло число конфликтных зон, катастрофических явлений и событий в этих странах. Это случилось потому, что к власти пришли силы (или, как их стало модно называть, регуляторы), не имеющие ни ясной стратегической цели, ни четкой программы действий, кроме намерения непременно сломать все (подчеркиваем, все без исключения), что было до них, и построить что-то такое, чего никто не знал ранее, или в крайнем случае повторить то, что положительно зарекомендовало себя в других эффективно развивающихся странах. Но в этих странах не оказалось руководителей планетарного мышления и масштаба, способных согласовать общемировые тенденции и национальные интересы и особенности, обеспечить сочетание научных и практически целесообразных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных преобразований по реализации требований научно-технического и социального прогресса. Иначе говоря, в этих странах не решилась кардинальная задача – продвинуть государство и общество на более достойные рубежи, достичь позиций, диктуемых современной информационной эпохой, представить населению степень благосостояния не столько на уровне высокоразвитых держав, сколько по сравнению с тем, что имели люди до трансформа-

ционных событий в своей стране. Это отсутствие политики стратегического развития тем более очевидно, если сравнить с тем, что подобную задачу решали – и успешно, и, главное, в течение сравнительно короткого времени – как капиталистические (Сингапур, Малайзия, Республика Корея), так и социалистические страны (Китай, Вьетнам).

Во-вторых, общества травмы создавались посредством насильственного, в том числе и военного, давления со стороны внешних сил, которые осуществляли или пытались осуществить непосредственное силовое изменение существующего политического режима и соответствующих институтов управления, что наглядно продемонстрировали события в Афганистане, Ираке, Ливии, Йемене, а в настоящее время и в Сирии. Известны и прецеденты вмешательства Франции в государственную жизнь своих бывших колоний, как правило, находящихся в травмированном состоянии. Создание обществ травмы в этих странах происходило при непосредственном вмешательстве внешних сил, которые открыто навязывали свои установки опутях не столько развития, сколько существования, механически перенося собственные представления о государственном устройстве без учета исторических и культурных особенностей других государств и образующих их народов. Именно органически не связанное с потребностями общества навязанное насилие, как правило, приводило к дезорганизации государственной и общественной жизни этих стран (Брутенц, 2015).

Особенно наглядно это проявилось в процессе вторжения вооруженных сил США и их союзников по НАТО в Ирак, Ливию, Афганистан и косвенно в Йемен, что длительное время травмировало, дезорганизовало развитие этих стран, ввергло в хаотичное состояние их национальное хозяйство, породило радикальные силы, дестабилизировало их социальную и культурную жизнь. Вмешательство внешних сил привело к тому, что эти страны не вышли из кровопролитных междоусобиц, не говоря о том, что в экономическом развитии, в социальной обеспеченности, защищенности и гарантированности жизни людей они не только не добились успехов – а наоборот, произошла деградация всех без исключения сфер общества. Например, в Ливии в 2010 г., последнем перед свержением М. Каддафи, ВВП на душу населения, по оценке Всемирного банка, составлял 12 120 долл., а в 2018 г. он сократился почти вдвое – до 7235 долл. (Алексеев, 2019; Егоршин, 2013; Труевцев, 2016). И что очень важно, это вмешательство не только раскололо эти общества по многим основаниям, но и привело к власти агентов, которые без помощи поставивших их сил не могут осуществлять даже элементарную управленческую деятельность.

Но и внутри этой группы стран причины их длительной нестабильности достаточно различны. Так, по мнению К.Б. Харпвикена и Ш. Таджбахша, специалистов по Ближнему и Среднему Востоку, «Афганистан помимо своей воли стал местом конфликтов и соперничества, корни которых находятся в других регионах». На практике в современных условиях как региональные, так и претендующие на влияние страны, например США, Китай, Пакистан, Индия, ведут несколько параллельных «опосредованных войн» на афганской территории, что, конечно, тормозит все попытки афганских властей дать стране импульс социально-экономического развития (Сафранчук, 2017). Наряду со сложностью преодоления геополитических интересов крупнейших держав мира, приведших к социально-экономическому отставанию Афганистана, огромную роль играют внутренние противоречия, возникшие в результате постоянного столкновения целей различных этнических, конфессиональных и региональных групп, что препятствует элементарному налаживанию жизни населения этой страны (Конаровский, 2017).

Что касается Сирии, то начало ее нестабильности и разрушительного пути положило начавшееся в 2011 г. восстание против режима Башара Асада, вскоре переросшее в гражданскую войну и со временем превратившееся в многостороннее, многоуровневое противостояние. Общество травмы в этой стране создавалось не только политическими амбициями противостоящих сторон, нередко прикрываемыми различными этническими и конфессиональными интересами, но мощным вмешательством внешних как мировых, так и региональных игроков – США, Европейского союза, Турции, Ирана, стран Арабского Востока (Тренин, 2017).

Отдельно можно сказать о вмешательстве внешних сил, прежде всего США и НАТО, в жизнь Югославии, что привело к превращению ее из процветающего и сравнительно успешного государства в территорию длительной гражданской войны (Адамишин, 2017).

В-третьих, путь к возникновению обществ травмы проложили цветные революции, которые назывались по-разному – «арабская весна», «оранжевая революция», «революция роз, тюльпанов» и т. п. По своей сути, события в Украине, Грузии, частично Киргизии означали кардинальные качественные изменения, смену господствующего строя методами мобилизации групп давления, осуществляющих агрессивные действия посредством «мягкой силы», не исключая применения открытых форм насилия (Кара-Мурза, 2005; Къеза, 2016; Подберезкин, 2019; Пономарева, 2012). В большинстве случаев эти революции не

столько предлагали новый путь развития, сколько порождали эффект травмы, так как действовали силы, ориентированные на слом предшествующего режима, но без внятной, обоснованной и четко ориентированной программы действий при полном игнорировании объективных закономерностей общественного развития, без учета специфики страны. Они были ориентированы на достижение политических целей, олицетворяющих интересы претендующих на гегемонию держав и устремления коллаборационистских сил. Причем ведущую роль в этом процессе занимают геополитические приоритеты ведущих государств мира, прежде всего США и идущего в фарватере их политики Европейского союза.

В-четвертых, для некоторых обществ травмы (Босния и Герцеговина, Косово, Судан, Сомали, Эфиопия, Мьянма) длительно действующим травмирующим фактором стали этнические и конфессиональные противоречия, которые послужили базой для разрушительного воздействия на экономические и социальные отношения. Их инициаторами, создателями и пользователями стали экстремистские религиозные и националистические силы, которые под флагом защиты и использования этнических и религиозных ценностей навязывали их другим народам и другим конфессиям, не без поддержки извне, не считаясь с интересами и устремлениями иных не менее значимых, но менее активных общественных групп, слоев, классов.

В 1990-е гг. это продемонстрировали кровопролитные по сути и форме религиозные войны на территории бывшей Югославии, ввергшие на длительное время в состояние хаоса вновь образованные на ее территории государства, сформировавшиеся в основном по конфессиональному признаку.

Но особенно ярко процесс возникновения общества травмы проявился в странах исламского мира, когда на смену достаточно умеренным авторитарным режимам к власти пришли силы, которые «привели к возрождению всего наиболее мрачного и бесчеловечного из того, что считалось делами давно минувших дней» (Мирский, 2017. С. 107). Этому во многом способствовала деструктивная деятельность радикального религиозного воинствующего «Исламского государства» (ИГИЛ) (деятельность запрещена в РФ), которое по всем параметрам выпадает из логики естественного развития и функционирования любого цивилизованного общества, пытаясь возродить средневековые нормы организации общественной и государственной жизни.

Следует особо отметить, что об опасности ксенофобии в ее этническом и конфессиональном облике говорил генеральный секретарь

Организации Объединенных Наций А. Гутерриш: «Настоятельно необходимо усилить борьбу с антисемитизмом, с ненавистью к мусульманам, преследованиями христиан и всем другими формами расизма, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». Правда, он с грустью отмечал, что эти формы ненависти становятся повседневностью не только в странах с авторитарным режимом, но и в либеральных демократиях, омрачая существование всего человечества и тех народов, которые живут в этих странах (Гутерриш, 2019).

В-пятых, общества травмы возникают в том случае, если экономическое, социальное и, конечно, политическое развитие страны пустить на самотек, не осуществляя мер по постоянному согласованию различных социальных интересов, а тем более не заботясь о будущем страны, как это произошло на Мадагаскаре, в Мали, на Филиппинах. Напомним, что в начале 1960-х гг. Филиппины для стран Юго-Восточной Азии считались примером достижения впечатляющих результатов в развитии экономики и благосостояния населения. Эти успехи были вскоре утрачены в результате военного переворота, который привел к стихийному развитию страны. Именно эти события стали началом длительного ее пребывания в состоянии деградации основных отраслей экономики, следствием чего стали стремительное снижение жизненного уровня, резкое обострение классовых противостоятий, рост межэтнических и межрелигиозных столкновений, активизация радикальных сил.

В-шестых, это страны (Россия и ряд стран Восточной Европы), которые в результате ошибочного курса по изменению общественного строя уже более четверти века находятся в ситуации стагнации или рецессии, замерли или отступили от ранее достигнутых рубежей. Даже если происходят в них изменения и преобразования в некоторых отраслях национального хозяйства, это можно квалифицировать, по меткому выражению Й. Шумпетера, как «рост без развития» (Шумпетер, 2007. С. 21). Длительное пребывание современной России в турбулентном состоянии в 1990–2000-е гг. привело к тому, что она тоже может быть отнесена к обществу травмы, так как в течение почти 30 лет не достигла многих рубежей, которые имела Советская Россия в конце 1980-х гг. Все произошедшие в ней потрясения проходили под лозунгом неотложности кардинальных изменений, при декларировании необходимости серьезных сдвигов/преобразований в экономике и социальной сфере, при обещании добиться достойной жизни людей и их благополучия. Был безоговорочно отвергнут и опыт предшествующего развития страны в рамках реализации социалистических идей в

Советском Союзе. Эти декларируемые намерения сдобривались посулами поднять на более высокий уровень соблюдение прав и свобод человека. Не менее «впечатляющи» «достижения» Грузии, Украины, Молдовы: эти страны далеки не только от уровня среднеразвитых стран, но и от того, что они имели до распада СССР, до времени провозглашения своей независимости.

Особый феномен обществ травмы, на наш взгляд, представляют государства Эстония, Литва и Латвия. Они, будучи в советское время лидерами в экономическом и социальном плане среди других республик, в новых социально-экономических условиях превратились в арьергард стран Западной Европы, что проявилось не только в ликвидации многих производств, в постоянной деформации своей социальной структуры за счет огромных масштабов миграции молодежи, но и в создании беспрецедентной политики по отношению к русскоязычному населению, превратив его в граждан второго сорта (Поляков, 2015; Симонян, 2003).

На возникновение обществ травмы, особенно на Ближнем Востоке, значительное влияние оказало появление на международной арене террористической организации «Исламское государство» (ИГИЛ) под лозунгом построения всемирного халифата. Акты насилия, бандитизма, вооруженных провокаций, осуществленные на территории многих государств, перешли из ряда дискуссионных противоречий в разряд угроз, имеющих уже не только транснациональный, а по существу глобальный характер (ИГИЛ ... , 2017; Гладченко, 2018).

Все эти страны олицетворяют собой еще одну особенность – на их территории осуществляются различные формы международного насилия, гибридные войны, прокси-войны, предпосылки возникновения новой холодной войны, попытки «приватизации» политической жизни негосударственными акторами международных организаций. И особенно характерны для них стали различного вида и калибра турбулентности, в том числе открытые и информационные войны (Гибридизация мировой и внешней политики ... , 2017).

По мнению А.М. Васильева, в этих странах в силу противоречивости развития протестный потенциал стали использовать не те, кто боролся за демократические перемены, против коррупции, а более организованные и способные апеллировать к не всегда определенным ориентирам, часто замешанным на религиозных противоречиях (в Сирии, Египте, Ираке, Афганистане, Йемене). Это сочеталось с вмешательством внешних сил, которые заранее готовили различные сценарии реализации своих интересов, что нередко приобретало решающее

значение. Конечно, пропорции взаимодействия внутренних и внешних причин были различны. Так, в Египте и Тунисе преобладали внутренние пружины созревания экономических потрясений и социального недовольства (Васильев, 2018).

Особый феномен травмы представляет собой проблема Курдистана – разделенного народа, живущего на территории Турции (около 15 млн), Ирака (5 млн), Ирана (более 5 млн) и Сирии (более 2 млн), а также в других регионах (Южный Кавказ). Между курдами и народами-соседями сложились непростые отношения, даже в условиях широкой автономии, которую они получили в Ираке. Разобщенность характерна не только для отношений курдов с внешними акторами, но и для них самих. В результате в этих анклавах нет нормальной экономической жизни, велика степень социального неравенства, нет согласованности и единства в этноконфессиональных отношениях, культуре, языках, обрядах и обычаях. Но несомненно одно – курдский народ живет в неопределенном, неустойчивом, нестабильном состоянии, оставаясь одним из конфликтогенных факторов всего региона и для государств, в которых они проживают на достаточно примитивном жизненном уровне (Наумкин, 2019).

Наряду с этим можно сказать, что и так называемые развитые страны не избавлены от травмирующих их процессов, будь то желание выйти из-под влияния Европейского союза (брексит в Великобритании), попытки раскола на основе некоторых этнонациональных (Испания, Бельгия, Румыния) или конфессиональных факторов (Северная Македония). На наш взгляд, травматические явления происходят и в США, где правящие группы стимулируют действия деструктивных сил, что выразилось во вспышках реанимации прежних межрасовых и межнациональных конфликтов, в особенности по отношению к народам Латинской Америки, главным образом к Мексике. И в этой связи можно также сказать о травмированном западном обществе из-за действий террористических сил и огромнейших масштабов миграции из стран Ближнего Востока и Африки.

Обобщая сказанное выше, можно сказать, что в отличие от стран, где происходили ярко выраженные эволюционные и/или революционные изменения и которые были нацелены на реализацию объективных тенденций развития, хотя и разными методами, общества травмы – это результат длительной неопределенной, турбулентной трансформации, характеризующейся деформацией экономических, социальных, политических и духовно-культурных отношений. Результатом этих потрясений становятся непредвиденные экономические, политические и со-

циальные последствия. Обществам травмы присущи отсутствие стратегических целей развития, хаотичность действий, неспособность мобилизовать активные творческие силы для реализации программы позитивных преобразований и преодоления деструктивных изменений.

В этой ситуации особую роль приобретает деятельность политических и экономических акторов (правлящий класс, элита), ведущая к непрогнозируемым эффектам вследствие несогласованности и противоречивости их действий, олицетворяющих сугубо корпоративные и групповые эгоистические интересы.

Социально-экономические причины возникновения общества травмы

Возникновение общества травмы происходит в результате стихийного, неуправляемого процесса развития, что является следствием отсутствия научно обоснованной модели национального хозяйства. Травмированные общества также образовывались и формировались в результате отказа учитывать новые вызовы и требования, постоянно возникающие в процессе постоянного изменения и, соответственно, преобразования существующих общественных отношений. Такое состояние во многом объясняется тем, у общества травмы отсутствуют четкая и ясная стратегия и понимание перспектив экономического развития. Намечаемые и реализуемые меры, предпринимаемые в этих обществах, обычно нацелены на решение текущих, насущных и неотложных проблем, а не на длительную перспективу. У части стран, которые сразу или постепенно превратились в аутсайдеры экономического развития, постоянно менялись ориентиры развития – от социалистических до капиталистических, от плановой до свободной экономики, от участия в мировом разделении труда до замкнутого развития. Такое состояние – отсутствие четкой программы развития или шарханье от одних методов решения проблем к другим – привело к потере стабильности, устойчивости не только экономики, но и всех без исключения сфер общественной жизни.

Стихийное и/или неупорядоченное развитие общества травмы напрямую связано с деятельностью акторов, т. е. организаций и лиц, ответственных за состояние государственного управления и методов, применяемых для решения стратегических проблем экономического и социального характера. Однако анализ так называемой экономической элиты и ее деятельности показывает, что на первом месте у нее стоят клановые, кастовые интересы. Если сравнить заявления нынешних хозяев жизни в России и реальное их поведение, возникает вопрос, кото-

рый прозвучал в статье академика А.Г. Аганбегяна: чем объяснить тот факт, что эти хозяева жизни, в данном случае банкиры, имеют колоссальные сбережения, из них только 15 вкладываются в национальную экономику, а вместе с олигархами хранят в зарубежных банках такое количество средств, которые многократно превышают бюджет страны? (Аганбегян, 2019).

Такое поведение сильных мира сего позволяет утверждать, что в национальной экономике общества травмы нет активных, движущих, творческих созидательных сил, олицетворяемых «коллективным агентством» (Штомпка, 2001), которые осуществляли бы руководство желаемыми преобразованиями посредством четкой, продуманной программы действий, опирающейся на объективные законы развития.

В обществах травмы происходят потеря и даже откат от тех рубежей, которыми обладали эти страны до вступления на путь изменения вектора своего развития. Более того, можно говорить о деградации, которая отбросила эти страны от достигнутого уровня. Это касается всех стран Ближнего и Среднего Востока, подвергшихся внешнему вмешательству в их внутренние дела, в результате чего у них ныне существующая экономика представляет собой разваленные отрасли национального хозяйства.

Характерен опыт травматического развития для Зимбабве. В этой стране воцарялись стагнационные процессы, когда под давлением и влиянием политических причин полностью отвергались прошлые достижения в экономике. В результате отказа от накопленного опыта из процветающего государства, находящегося длительное время под управлением белого меньшинства, страна превратилась в одно из беднейших государств мира после прихода к власти представителей коренных племен. Именно пришедшие к власти лидеры под флагом строительства национального государства разрушили сложившуюся ранее структуру экономики, вынудили квалифицированные кадры покинуть страну, в результате чего многие отрасли производства перестали существовать. Как следствие, страна стала олицетворять пример безответственного решения принципиальных вопросов развития, когда под флагом национальной независимости были утрачены результаты функционирования промышленности и сельского хозяйства, которые достигались в течение длительного времени, в результате долгих лет отлаживания хозяйственного механизма.

К этим странам можно отнести и Россию, которая под флагом либеральных реформ полностью отказалась от использования опыта функционирования социалистической экономики. Это игнорирование

знаний и результатов деятельности предшествующих поколений, отказ от учета многовековых традиций дорого обошлись и обходятся сегодняшней России. Речь идет о потере не только темпов экономического развития, но и ранее достигнутого и до сих пор невосстановленного. За период гайдаровских реформ в 1990-е гг. народное хозяйство страны потеряло больше, чем за годы Великой Отечественной войны. Мало что исправили и 2000-е гг. Как отметил бывший экс-министр экономики и финансов Польши Гж. Колодко, именно отсутствие грамотной экономической стратегии в России привело к тому, что если 25 лет назад ВВП России втрое превышал ВВП Китая, то на данном этапе Китай превосходит РФ по этому показателю в шесть раз (Московский экономический форум ... , 2016).

Создание общества травмы и невозможность выйти из этого состояния во многом обусловлены огромной зависимостью от процессов развития в мировой экономике и одностороннего развития отдельных отраслей национального хозяйства. В этой связи можно напомнить следующее. Так, упование на огромные природные богатства в основном в виде нефти (Ирак, Ливия, Сирия, Йемен) позволяло надеяться на наличие как в текущий период, так и в будущем огромной стабилизационной финансовой подушки, обеспечивающей устойчивость экономического рынка. Эти богатства недр позволяли правящей верхушке снисходительно реагировать на любые изменения в мировом хозяйстве с большой уверенностью в устойчивости своей экономики. Эта модель не учитывала возможность вмешательства других государств, которые в той или иной степени претендовали на участие или хотя бы частичный контроль за распределением доходов.

Кроме того, нестабильность стран возникала и в результате большой зависимости от экономики других государств, когда разрыв или ослабление этих связей становились спусковым крючком для перехода страны в кризисное состояние и/или стагнацию и даже рецессию.

Общества травмы нередко складываются потому, что их правящие круги не учитывают (игнорируют) или абсолютизируют (гипертрофируют) национальную специфику, то, что было накоплено странами в их историческом развитии. При таком подходе экономика страны приобретает черты ограниченности и ущербности, отсутствия возможности использовать чужой передовой опыт. Так, замкнутость в рамках национального хозяйства привела Корейскую Народно-Демократическую Республику к длительному отставанию и консервации признаков осажденной крепости.

Что касается гипертрофикации национальных особенностей, то этот путь наиболее наглядно демонстрирует национально-государственное строительство в Украине. «Стимулирование этнополитической конфликтности и продвижение идеологии и системы ценностей, разделяющих этносы и нации по их отношению к свободе, демократии и процветанию, оказываются одной из ключевых составляющих в общей стратегии хаотизации социального субстрата неконсолидированных режимов» (Лапкин, 2016).

В деформации нестабильных государств огромную роль играет воплощение научно обоснованной экономической политики и ее принципов в процессе строительства и функционирования реально существующей национальной экономики. Но в этих обществах и государствах эта политика строится не на необходимости объективных научно-технологических, информационных и технических преобразований, а на необоснованном личностном или групповом понимании путей развития экономики или на некритическом, а иногда слепом подражании опыта успешных стран. При этом практически всегда игнорируется тот факт, что опыт развития каждой страны уникален и неповторим, поэтому его механическое перенесение на другой организм никогда не приводило к положительным результатам.

Не менее значимой причиной является социальная составляющая, во многом способствующая созданию общества травмы. Как правило, социальная сфера в обществе травмы занимает второстепенную, а нередко и третьестепенную по значимости нишу в государственной политике. Ее финансирование осуществляется по остаточному принципу или по мере обострения проблем, которые нужно решить во избежание возникновения социально-экономических и социально-политических конфликтов. Эта ситуация осложняется также тем, что острота социальных проблем является актуальной практически для всех стран. «Люди по всему миру злы и разочарованы, – утверждает исполнительный директор фонда Oxfam International Винни Бьянийма А.-М. Слотер. – Теперь правительства должны добиться реальных изменений, обеспечив, чтобы корпорации и богатые люди платили свою справедливую долю налогов и инвестировали эти деньги в бесплатное здравоохранение, образование, которое удовлетворяет потребности всех, включая женщин, чьи потребности так часто игнорируются. Правительства могут построить светлое будущее для всех, а не только для немногих привилегированных» (Слотер, 2018).

Но особенно острая ситуация сложилась в обществах травмы, в которых произошел ничем не оправданный и не объяснимый с точки зре-

ния не только теории, но и здравого смысла рост социального неравенства. Такое состояние характерно для части стран Африки и Латинской Америки. По данным Global Wealth Report, в таких крупных странах, как Индия и Индонезия, 1 % богатых людей владеет 49 и 46 % национальных богатств соответственно. В США он равен 37 %, в Китае – 32, в Японии – 17 %. Во всем мире этот показатель равен 46 %, в Европе – 32, в России – 71 %. Кроме того, Россия лидирует в мире и по доле самых состоятельных 5 % населения, которым принадлежат 82,5 % всего богатства страны, и по доле 10 % самых состоятельных граждан, владеющих 87,6 % такого же богатства (Гуриев, Цывинский, 2012). А если взять такой показатель, как богатство миллиардеров, то российские миллиардеры владеют 30 % всех личных активов российских граждан. В среднем во всем мире миллиардеры владеют лишь 2 % всех личных активов. В Китае им принадлежат только 1–2 %, в США, где имеется 400 миллиардеров, их доля составляет лишь 7 % от суммарного богатства всех американцев. К этому можно добавить и следующую информацию: в условиях падения реальных доходов россиян в 2015 г. доходы 10 самых богатых семей по сравнению с предыдущим годом выросли на 40 % – с 18 до 25 млрд долл.

В заключение следует сказать, что в возникновении общества травмы наряду с социально-экономическими и политическими значимы современные технологические и информационные факторы. Принципиальная новизна становящихся сложных реалий состоит в том, что не только люди выступают как акторы, но и созданные ими актанты (компьютерные сети, цифровые технологии, механизмы с искусственным интеллектом), равно как окультуренная ими природа, начинают проявлять как бы собственную волю, т. е. рефлексивность. А причастность общества травмы к решению этих проблем затруднена в силу отсутствия технологических и информационных возможностей (Кравченко, 2017).

Внутри- и внешнеполитические факторы образования общества травмы

Говоря о внутривнутриполитических факторах, которые приводят к возникновению общества травмы, нужно, во-первых, отметить неясность и неопределенность стратегической цели – какое общество строится в стране. Этого не знают не только народные массы, но часто и те политические силы, которые находятся во власти. Если проанализировать деятельность правящих органов в каждой из этих стран, то можно обнаружить, что в них обычно обсуждалось немало рецептов по выхо-

ду из кризисного состояния, стагнации и рецессии, но они сводились в основном к тому, чтобы отказаться от прошлого пути развития, воспользоваться рекомендациями, основанными на опыте других стран, или просто некими умозрительными конструкциями вроде концепции монетаризма, на выводы которой уповали российские либералы. Немало было доморощенных предложений, которые идут скорее от фантазий, чем от научно обоснованных программ развития. Что касается России, до сих пор вопрос стратегической цели остается невыясненным и неопределенным (Богомолов, 2008).

Во-вторых, политическая власть в этих странах неустойчива, часто представляя собой интересы отдельных политических группировок, которые ставят перед собой основную желанную для них цель – сохранение своей власти любой ценой. В этой ситуации нередко прибегают к насилию, в том числе и военному, подавлению тех, кто стоит на пути сохранения власти. Для части этих стран характерен приход к власти военных хунт, которые превращают управление страной в подобие руководства воинскими подразделениями.

В-третьих, как правило, в этих странах народ не только не участвует в определении судьбы своей страны, но и даже лишен возможности с уверенностью устраивать свою личную жизнь. Для характеристики этого фактора возможно использование уровня доверия политической власти, который все больше и больше рассматривается как наиболее надежный индикатор устойчивости и благополучия в обществе и показатель реальных взаимоотношений людей и политических органов власти. Если это положение применить к России, то очевидна травмированность политического пространства. Об этом свидетельствуют данные опроса исследовательской компании Edelman, охватившего 33 тыс. чел. в 28 странах. Власти доверяют только 34 %, причем за последний год это доверие снизилось на 10 %. Россияне оказались на последнем месте по уровню доверия общественным организациям: им в стране доверяют лишь 23 % по сравнению с 74 % в Китае, 59 – в Канаде и 47 % – в Великобритании. То же касается и бизнеса: предпринимателям в России верят лишь 34 %. Последнее место занимает Россия и по доверию к СМИ (Россия заняла последнее место..., 2019).

В-четвертых, в обществах травмы нет четких мировоззренческих идей, которые бы нашли воплощение в государственной идеологии. Ее отсутствие приводит к сумятице в общественном сознании, потере четких жизненных ориентиров и влиянию случайных и стихийных центров влияния. На этот процесс значительное воздействие оказывает демагогия вокруг слов «демократия», «свобода», «права человека», ко-

торые, по словам Г.Д. Лассуэлла, играют роль «сверкающей неопределенности» (Лассуэлл, 2005). Как правило, эти слова никак не коррелируют с реальной действительностью и насущными устремлениями (желаниями) людей. До сих пор актуальны слова П.А. Сорокина: «Государства и страны останутся столь же эгоистичными и хищническими, как и раньше, – уверовавшие, что распространение демократических форм правления изменит это, забывают, что так называемые демократии прошлого и настоящего столь же империалистичны, как и автократии» (Сорокин, 1999). Нужно отметить, что демагогия и имитация играют значительную роль в дезориентации значительных слоев народа до тех пор, пока многие из них не начинают понимать, что эти добропорядочные слова никак не гарантируют реальное независимое и обеспеченное настоящее и будущее. Например, на Украине так и не удалось сформировать национальную идею – попытка за нее выдать оголтелый и человеконенавистнический галицийский национализм не состоялась. Об этом говорят и результаты парламентских выборов в июле 2019 г., когда ни одна из правых националистических партий не прошла после их пятилетнего шаша на политическом и экономическом поприще.

В-пятых, в обществах травмы отсутствует оппозиция, или она выполняет декоративную роль. Отсутствие возможности реализовать и другие политические установки приводит политические отношения к консервации, закреплению власти за одной из группировок, без легального права эволюционно осуществить свои цели. Это приводит к тому, что при консервации положения правящей партии оппозиция вынуждена прибегать к несанкционированным формам протеста, а в ряде случаев (Сирия, Йемен, Судан) – к вооруженной борьбе.

Что касается внешнеполитических факторов, то они обычно связаны с прямым вмешательством в экономику государства посредством навязывания правил и возможностей взаимодействия с экономиками других стран. Как правило, экономика обществ травмы не развита или слабо развита, поэтому легко подвергается деформации или стагнации в результате действий Всемирного банка, который контролируется США и через который диктуются правила игры. Причем этот диктат всегда агрессивен, безапелляционен и направлен не на оказание действительной помощи, а на создание постоянной зависимости и без того сильных экономик мира, которые в настоящее время ассоциируются в первую очередь с США и Европейским союзом.

Это состояние осложняется тем, что попытки отстоять свою самостоятельность самым откровенным образом прерываются под угро-

зой экономических санкций, торговых войн, практик запрета, создания дискриминационных финансовых сделок. Причем нередко для этого используются международные организации, в которых преобладает право США, или путем навязывания бизнесу этих стран управленческого или консультационного персонала.

Наряду с экономическими санкциями широко используются методы прямого насилия, когда при помощи вооруженных сил навязываются стране правила организации политической и экономической жизни. Вмешательство внешних сил в Ираке, Ливии, Афганистане, Сирии привело к тому, что эти страны не вышли из полосы кровопролитных междоусобиц, не говоря о том, что в экономическом развитии, социальной обеспеченности, защищенности и гарантированности жизни людей они не только не добились успехов – а наоборот, произошла деградация всех без исключения сфер общества.

Не менее популярен и такой прием, когда вопреки неуголному режиму создаются конфронтующие силы, нацеленные на навязывание силой своего видения, как это случилось с Сирией и как это происходит в настоящее время с Венесуэлой.

Вариантом проникновения и слома неуголного режима в обществах травмы становится возбуждение недовольства значительных групп населения, не удовлетворенных происходящими в стране процессами, что потом становится базой проведения цветных революций. В этой связи особо надо отметить методы «мягкой силы», когда осуществляется длительное по времени воздействие на сознание населения и особенно молодежи соответствующей пропагандой. Причем не брезгают использовать и ситуацию в малых делах – недовольство экологией, положением с жилищно-коммунальными услугами, просчетами при решении проблем благоустройства и т. д. Мировоззренческую обработку дополняют различные гранты, организация семинаров по развитию демократии и школ самостоятельности и даже создание отрядов боевиков под видом спортивных обществ, как это особенно наглядно проявилось в Украине, Грузии и отчасти в России и Киргизии.

Таким образом, обобщая сказанное выше, травмированные страны пребывают в состоянии длительной неопределенности развития, характеризующемся деформацией экономических, социальных, политических и духовно-культурных процессов и имеющем непредвиденные общественные последствия. Обществу травмы присущи отсутствие стратегических целей, хаотичность действий, неспособность мобилизовать активные творческие силы для реализации программы дей-

ствий и преодоления деструктивных изменений. Особую роль приобретает деятельность политических и экономических акторов, ведущая к непрогнозируемым эффектам вследствие несогласованности и противоречивости их действий, олицетворяющих сугубо корпоративные и групповые эгоистические интересы.

Литература

Аганбегян А.Г. Как преодолеть стагнацию и восстановить экономическое развитие // ЭКО. 2016. Т. 46, № 2. С. 5–14.

Аганбегян А.Г. О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1. С. 3–15.

Адамишин А.Л. Югославская прелюдия // Россия в глобальной политике. 2017. № 6. С. 186–201.

Алексеев А. Деньги Каддафи. Кому достались миллиарды диктатора // Коммерсантъ Деньги. 2019. № 32.

Богомолов О.Т. (рук. проекта и ред.). Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние: науч. записки и очерки. М.: Центр экономических стратегий, 2008. 440 с.

Брутенц К. Обреченная политика // Международная жизнь. 2015. Март.

Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Центрполиграф, 2018.

Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Горячая линия – Телеком, 2017.

Гладченко Л.В. «Черный интернационал» ИГИЛ: грядущий распад или перегруппировка сил? // Международная политика. 2018. № 2 (47). С. 155–171.

Гуриев С., Цывинский О. Россия первая в мире по неравному распределению богатства. [Электронный ресурс]. Режим доступа:
<https://www.kprf.ru/crisis/112156.html>

Гутерриш А. Как потушить пожар ненависти // Независимая газета. 2019. 27 июня.

References

Aganbegyan, A.G. (2016). How to overcome stagnation and restore economic development. *ECO*, 46, 2, 5-14. (in Russian).

Aganbegyan, A.G. (2019). On urgent measures to resume socio-economic growth. *Problemy prognozirovaniya*, 1, 3-15. (in Russian).

Adamishin, A.L. (2017). Yugoslav prelude. *Rossiya v global'noy politike*, 6, 186-201. (in Russian).

Alekseev, A. (2019). Money of Gaddafi. Who got the billions of a dictator. *Kommer-sant Dengi*, 32. (in Russian).

Bogomolov, O.T. (hands of the project and ed.). (2008). Economics and the public environment: unconscious mutual influence. Scientific notes and essays. M.: Tsentr ekonomicheskikh stratyegiy. (in Russian).

Brutents, K. (2015). Doomed Politics. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. (in Russian).

Vasiliev, A.M. (2018). From Lenin to Putin. Russia in the Middle East. M.: Tsentrpoligraf. (in Russian).

Hybridization of world and foreign policy in the light of the sociology of international relations (2017). In P.A. Tsygankov (Ed.). M.: Goryachaya liniya - Telekom. (in Russian).

Gladchenko, L.V. (2018). "Black International" of ISIS: impending collapse or regrouping? *Mezhdunarodnaya politika*, 2 (47), 155-171.

Guriev, S., Tsyvinsky, O. Russia is the first in the world in the unequal distribution of wealth. Available at:
<https://www.kprf.ru/crisis/112156.html>

Guterrish, A. (2019). How to put out a fire of hatred. *Nezavisimaya gazeta*. June 27. (in Russian).

Egorshin, A.Z. (2013). Gaddafi. Chronicle of the murder. M.: Algoritm. (in Russian).

Егоршин А.З. Каддафи. Хроника убийства. М.: Алгоритм, 2013.

ИГИЛ: формула современного террора / под ред. А.В. Глазовой. М.: РИСИ, 2017.

Кара-Мурза С.Г. Экспорт революции. Ющенко. Саакашвили. М.: Алгоритм, 2005.

Конаровский М.А. Афганистан после 2014 года // Вестник международных отношений. 2017. Т. 12, № 3. С. 242–253.

Кравченко С.А., Перова А.Е. «Новый катастрофизм» и будущее: востребованность нелинейного знания // Вестник Российского государственного университета дружбы народов. Социология. 2017. Т. 17, № 4. С. 449–459.

Къеза Д. О «цветных революциях» // Свободная мысль. 2016. № 4. С. 15–18.

Лапкин В.В. Проблемы национально-го строительства в полиэтнических постсоветских обществах: украинский казус в сравнительной перспективе // ПОЛИС. 2016. № 4. С. 54–64.

Лассуэлл Г.Д., Рогоу А.А. Власть, коррупция и честность. М., 2005.

Мирский Г.И. Возврат в Средневековье // Россия в глобальной политике. 2017. № 6. С. 102–113.

Московский экономический форум – 2016: 25 лет рыночных реформ в России и мире. Что дольше? // Предпринимательство. 2016. № 2. С. 6–23.

Наумкин В.В. Курдская головоломка Ближнего Востока (на примере Ирака) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 5. С. 76–87.

Подберезкин А.И., Чирков М.А., Чистяков М.С. Технологии «цветных революций» // Свободная мысль. 2019. № 3. С. 177–184.

Поляков В. Спекуляция на оккупации // Литературная газета. 2015. № 13.

Пономарева Е.Г. Секреты «цветных революций» // Свободная мысль. 2012. № 1/2, 3/4.

Россия заняла последнее место рейтинга доверия к общественным институтам. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

ISIS: the formula of modern terror (2017). In A.V. Glazovaya (Ed.). М.: RISI. (in Russian).

Kara-Murza, S.G. (2005). Export Revolution. Yushchenko. Saakashvili. М.: Algoritm. (in Russian).

Konarovsky, M.A. (2017). Afghanistan after 2014. *Vestnik mezhdunarodnykh otnosheniy*, 12, 3, 242-253. (in Russian).

Kravchenko, S.A., Perova, A.E. (2017). “New catastrophism” and the future: the demand for nonlinear knowledge. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta druzhby narodov. Sotsiologiya*, 17, 4, 449-459. (in Russian).

Chiesa, D. (2016). On “color revolutions”. *Svobodnaya mysl'*, 4, 15-18. (in Russian).

Lapkin, V.V. (2016). Problems of national construction in multi-ethnic post-Soviet societies: Ukrainian case in a comparative perspective. *POLIS*, 4, 54-64. (in Russian).

Lasswell, G.D., Rogow, A.A. (2005). Power, corruption and honesty. М. (in Russian).

Mirsky, G.I. (2017). Return to the Middle Ages. *Rossiya v global'noy politike*, 6, 102-113. (in Russian).

Moscow Economic Forum 2016: 25 years of market reforms in Russia and the world. Which is longer? (2016). *Predprinimatel'stvo*, 2, 6-23. (in Russian).

Naumkin, V.V. (2019). The Kurdish Puzzle of the Middle East (Case Study of Iraq). *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 63, 5, 76-87. (in Russian).

Podberезkin, A.I., Chirkov, M.A., Chistyakov, M.S. (2019). Technologies of “color revolutions”. *Svobodnaya mysl'*, 3, 177-184. (in Russian).

Polyakov, V. (2015). Speculation on the occupation. *Literaturnaya gazeta*, 13. (in Russian).

Ponomareva, E.G. (2012). Secrets of the “color revolutions”. *Svobodnaya mysl'*, 1/2, 3/4. (in Russian).

Russia took the last place in the rating of trust in public institutions. Available at: <https://www.rbc.ru/society/02/03/2020/5e5cbaad9a7947f1e578fb03>

Safranchuk, I.A. (2017). Book Review Harpiken and S. Tadjbakhsh “A Rock Be-

<https://www.rbc.ru/society/02/03/2020/5e5cbad9a7947f1e578fb03>

Сафранчук И.А. Рецензия на книгу К.Б. Харпвикена и Ш. Таджбахша «Меж огней. Афганистан – арена региональной нестабильности» // Вестник международных отношений. 2017. Т. 12, № 4. С. 226–231.

Симомян Р.Х. Россия и страны Балтии. М., 2003.

Слотер А.-М. Большая стратегия для цифрового века. Как преуспеть в мире, связанном сетями // Россия в глобальной политике. 2018. № 1. С. 19–36.

Соломатин А.И. Всемирный банк и «нестабильные государства»: динамика взаимодействия и структура помощи // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13, № 1. С. 114–132.

Сорокин П.А. Условия и перспективы мира без войны // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 3–12.

Тренин Д. Портрет сирийской войны // Россия в глобальной политике. 2017. № 3. С. 234–237.

Труевцев К., Булаев О. Ливия: распавшееся государство и очаг региональной напряженности // Оценки и идеи. 2016. Т. 1, № 9. С. 1–12.

Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М.: Экспо, 2007.

tween Hard Places. Afghanistan as an arena of regional insecurity”. *Vestnik mezhdunarodnykh otmosheniy*, 12, 4, 226-231. (in Russian).

Simonyan, R.Kh. (2003). Russia and the Baltic countries. M. (in Russian).

Slaughter, A.-M. (2018). Great strategy for the Digital Age. How to succeed in a world connected by networks. *Rossiya v global'noy politike*, 1, 19-36. (in Russian).

Solomatin, A.I. (2018). The World Bank and “unstable states”: interaction dynamics and aid structure. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*, 13, 1, 114-132. (in Russian).

Sorokin, P.A. (1999). Conditions and prospects of a world without war. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 5, 3-12. (in Russian).

Trenin, D. (2017). Portrait of the Syrian war. *Rossiya v global'noy politike*, 3, 234-237. (in Russian).

Truevtsev, K., Bulaev, O. (2016). Libya: a decayed state and a hotbed of regional tension. *Otsenki i idei*, 1, 9, 1-12. (in Russian).

Shtompka, P. (2001). Social change as an injury. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 1, 6-16. (in Russian).

Schumpeter, J.A. (2007). Theory of economic development. M.: Ekspo. (in Russian).

Поступила в редакцию

1 ноября 2019 г.